

Дождь стучит в окно, дождь мешает спать.

В городе моем холодно опять,

Так ведь не должно быть, чтобы навсегда,

Люди расставались так, как мы тогда.

Там за окном, где-то есть тепло,

Жаль, что любовь — хрупкое стекло,

Тоньше не бывает, сколько не ищи,

И никто не знает, смыты все пути.

Но любовь, забытую где-то

Мочит дождь, а ты вступи ее в ворота лета.

И сейчас вернуться назад хочется вновь.

Плачет любовь!

Я чиста как день, ты похож на ночь,

Кто же сможет нам в этот час помочь,

Ты сейчас с другими около огня,

Согреваешь телом, только не меня.

Мне бы этот шанс, я б смогла понять,

Бог дал мне жизнь, чтоб с тобой связать,

Разве в этом дело, нам не быть вдвоем,

Даже если смело вспомнить о былом.

(С) Вольная Стая

* * *

...Как оказалось, Белый Шпиль возвышался на дальней стороне залива, через который перемахнул по виадукту поезд.

К счастью, или же по чьему-то умыслу, на другом берегу оказалась небольшая полузаброшенная станция. Вокруг стояли ничем не примечательные домики и пара магазинов, но, очевидно, в них давно уже никого не было, и задерживаться путешественницы не стали.

Тем более припасов в дорогу у них было достаточно: что-то дала Спитфаер, что-то они купили в поезде, так что седельные сумки Дэш приятно оттягивали пакеты и жестяные банки с провизией.

На станции путешественницы решили было сменить повязки, но, как оказалось, в этом уже не было нужды: швы затянулись так, как будто в бинтах содержался регенерирующий гель из родного мира. То есть, шрамы остались, но сами по себе они теперь разойтись никак не могли.

Рейнбоу Дэш не сказала этого вслух, но была только рада избавиться от бинтов, что придавали обеим Идущим такой жалкий и побитый вид.

Прямо от платформы к стоящему на довольно далеком мысе Шпилю вела уже набившая оскомину дорога с вытертым асфальтом, огибающая залив почти по самому краю берега.

Из-за горизонта вставало желтое солнце, добавляя свой золотой свет к заливающему все красному и разгоняя утренний туман.

Дэш вдруг подумала, что, похоже, неверно оценила расстояние до исполинской башни и ее размеры. Судя по облаку, которое пролетало где-то на четверти ее высоты, сооружение выходило фантастическим.

Как этот Шпиль еще не рухнул, оставалось инженерной загадкой, которую неспособен был бы разрешить даже виртуальный суперинтеллект «Гледос».

Гайка вспомнила из новостей еще «того» мира, что этот непомерно дорогой и мощный проект прикрыли в связи с его чрезмерным вниманием к мелочам. Это излишне загружало ресурсы системы и тратило много энергии, делая использование проекта нерентабельным. Кроме того, мощности этого кластера оптронных компьютеров породили стихийный искусственный интеллект с педантичным и вздорным характером, долгого диалога с которым не выдерживал ни один привлеченный специалист.

Пришлось постепенно свернуть программу, медленно лишив цифровую истеричку доступа к ресурсам. На последнем этапе отключения тот еще успел закатить своему создателю натуральный скандал, но, к счастью, уже не имел возможности навредить пользователям киберсети.

Пегаска же отвела от исполинской постройки взгляд зорких глаз и облегченно вздохнула.

Все.

Осталось только проскакать какое-то количество километров по широкой дуге вдоль берега, и все закончится.

Дорога от платформы резко шла вниз. Здесь, где проходил поезд, к морю спускался крутой каменистый обрыв, но было видно, что впереди шоссе изгибается вдоль золотистого песчаного пляжа.

Хотя сейчас все было залито светом двух светил, что окрашивали пейзаж в цвета заката, несмотря на разгар дня.

Гайка, привычно покачиваясь на загривке пони, вслушивалась в цокот копыт и думала, что тот звучит почти так же успокаивающе, как недавний стук колес.

Тем временем Рейнбоу Дэш взошла на небольшой обрыв, после которого уже начинался не слишком широкий пляж. Пегаска не устояла перед искушением и сошла с дороги.

Впереди раскинулся огороженный берегами залива бескрайний водяной простор, а в лицо

ударил свежий ветер, пропитанный запахом влаги, йода и водорослей. Волны накатывали на песок, издавая тихий умиротворяющий шелест.

- Море, - улыбнулась мышка, - настоящее...

Голубая пегаска обвела водный простор взглядом и прошептала:

- Я никогда раньше не видела моря вживую... А в Дыре вместо моря было болото из отходов и свалка древних кораблей.

- Я тоже никогда не видела, - отозвалась Гайка.

Они спустились на пляж, и Рейнбоу чуть довольно не сощурилась от ощущения мягкости и тепла под копытами.

Вскоре песок стал влажным, и пони остановилась у самой кромки воды.

Набежавшая волна лизнула ноги пегаски прохладой и влагой. Крик какой-то птицы разнесся в воздухе, и Рейнбоу, расправив крылья и закрыв глаза, подставила бризу мордочку. Тот как будто с радостью растрепал и без того нечесаную гриву пони, обласкал прохладой и мелкими брызгами, осевшими росой на короткой шерстке.

Как же хотелось полететь! Просто до зуда в спине. Дэш надеялась, что это не психосоматика, а признак заживающего антиграва.

Они какое-то время стояли молча, слушая шелест волн и редкие крики птиц. Дэш наслаждалась тишиной и ветром, Гайка думала о своем.

Наконец, мышка подала голос:

- Дэши...

- Чего? - не открывая глаз, отозвалась пегаска.

- Давай искупаемся?

Рейнбоу промолчала. Гайка этого не видела, но сейчас на щеках пегаски выступил легкий румянец, почти незаметный в красноватом свете двух солнц.

Да, они уже переодевались в присутствии друг друга, а мышка в этом вопросе, похоже, не была особо закомплексованной: Рейнбоу вспомнила, как та принимала душ в умывальнике, не

заботясь о каком-то подобии занавески, в отличие от самой пони.

Наконец Дэш спросила, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

- А это безопасно? Я умею плавать, но никогда не могла представить столько воды.

Гайка то ли не заметила натянутость повода, то ли просто не подала вида:

- Можно не уходить с мелководья. Вода спокойная, что может случиться? Вряд ли там что-то опасное водится: очень уж пусто тут, а еду легче найти в океане.

Рейнбоу задумалась. Искушение окунуться в прохладную воду было огромным, но раньше Дэш плавала только в бассейне, так как этот вид спорта благоприятно действовал на развитие мышц спины и конечностей.

А еще ей до смерти не хотелось раздеваться на таком открытом пространстве, где каждый мог увидеть. Плотная одежда всегда была персональной броней, которая защищала от случайных или намеренных прикосновений. И перспектива в одночасье лишиться этой защиты пугала чуть ли не до дрожи в коленках.

Кроме того, помимо шорт и куртки на пони ничего не было, так как белье покрытым шерстью существам было фактически не нужно, да и носить его радужная пегаска считала признаком изнеженности или распущенности. Или всего сразу.

Тем временем, пока Дэш терзалась сомнениями, мышка привела убойный аргумент:

- Иногда говорят, что море похоже на небо. Вот и проверишь.

«Да какого сена!» - злясь на саму себя, подумала пони, а вслух сказала:

- Хорошо, давай.

Она отошла на сухое место, чтобы бросить сумки, и Гайка прыгнула со спины пегаски, тут же начав расстегивать комбинезон.

Дэш еще медлила. Не то чтобы она стеснялась своего тела: даже довольно долгий период беспробудного пьянства после смерти хозяина не превратил атлетическую пегаску в дряблый кусок студня. Возможно, потому, что при всем при том Дэш не покинула Арену и продолжала постоянные тренировки и бои, пусть и не столь интенсивные, как при жизни Алекса. Не говоря уже о выматывающих концертах. А на этические нормы человека пегаске было глубоко плевать.

По крайней мере, Рейнбоу себя в этом убеждала.

Просто не хотелось оставаться без защиты от взглядов и прикосновений. Даже пришла мысль, не искупаться ли в шортах, но потом подумалось о перспективе мокрой кожаной одежды, и пегаска отбросила эту идею.

За раздумьями она уже сняла куртку и повесила на какой-то жесткий куст, торчащий рядом из песка. Гайка туда же кинула свой комбинезон.

«Ну же, Дэш, – мысленно сказала пони сама себе, – неужто после всего ты теперь спасуешь перед таким пустяком?.. Никому тут твоя лошадиная задница не интересна!»

Зло стиснув зубы, она вылезла из шортов и встретилась взглядом с Гайкой, что уже ждала подругу, даже не думая как-то прикрыться или хотя бы опустить взгляд.

Снова подумалось, что телосложение у мышки почти человеческое, значительно в большей степени, чем у большинства фурри. Даже практически неразличимая шерстка по всему телу не рассеивала этой иллюзии.

Хотя, это мог быть обман зрения из-за размеров.

Дэш себя поймала на том, что разглядывает гайкину фигуру, и спешно повернулась к морю.

- Залезешь? – осведомилась пони, которой это простое слово далось ужасно нелегко.

- С удовольствием! – ответила мышка и в следующий миг оказалась на своем месте перед слегка расправившимися крыльями.

Вот только теперь между двумя телами не было кожаной брони куртки, а только недлинная и очень нежная шерстка.

Дэш заставила себя выбросить из головы все дурацкие мысли, после чего коротко взвилась на дыбы и помчалась к воде, вздымая копытцами облачка песка.

Вскоре они забежали в воду, подняв тучу брызг. Вернее, Рейнбоу Дэш забежала, а Гайка с восторженным писком цеплялась за разноцветную гриву.

Прохладные объятия моря приняли в себя двух существ, которые, отбросив заботы дня, плавали и брызгались, ныряли и просто валялись на мелководье...

Обе они плавали в человеческом стиле: мышка из-за сложения, а Рейнбоу так учили в детстве.

Правда, под водой она еще использовала крылья.

Вскоре Гайка отпустила гриву, и пегаске было подумалось, что бегущие к берегу небольшие волны для миниатюрной мышки были валами, на которых в пору кататься на серфинге.

Этого развлечения Дэш, кстати, не могла понять. Держать равновесие на скользкой доске верхом на волне?

А с другой стороны, тем, кто не может летать, наверное, тоже хочется почувствовать власть над потоком бурной стихии...

Дэш, быстро загребая ногами, сжала зубы. Да что ж такое! Невозможно было ни о чем подумать, чтобы не вспомнить об ощущении легкости и свободы, что давал полет на собственных крыльях...

Рейнбоу окунулась с головой, чтобы избавиться от глупых мыслей.

Мощными рывками крыльев бросая тело в набегающие волны, пегаска и вправду почувствовала себя будто в полете.

Почти.

Дэш, оказавшись на гребне волны, рванулась вперед. Так, что даже высунулась из воды по пояс, после чего с плеском обрушилась обратно в воду. Ощущение так ей понравилось, что она повторила это несколько раз, очень скоро обнаружив, что отплыла довольно далеко от берега.

Гайка же ее опыт повторять не стала: для нее и у самого берега было достаточно глубоко.

Пегаска повернула назад, но не потому, что захотела выйти. Просто ей понравилось это ощущение борьбы с волнами, а на самой глубине те делались какими-то другими. Почему – пони не знала.

Но намерение сделать несколько кругов охватило ее спортивным азартом настолько, что даже ноющая тоска по небесным просторам была вынуждена отступить. По крайней мере, на время...

...Красное солнце в эту ночь покинуло небо вместе с желтым, причем, судя по всему, залив находился на восточном берегу: оба светила ушли не в море, а закатились на бескрайнем просторе степи.

Белый Шпиль же, наоборот, будто бы начал светиться в наступающей темноте, сам становясь новым светочем. Подумалось, что свет солнц должен быть еще долго виден, но то ли

собственное свечение тут играло роль, то ли свойства атмосферы, то ли очередные аномалии этого мира.

«Кстати, что-то дано всяких глюков не видать, – подумала Дэш, – Не к добру это».

Когда уже ощутимо стемнело, пони и мышка выбрались из похолодевшей воды. Рейнбоу дождалась, пока Гайка спрыгнет на песок, и с удовольствием отряхнулась, окутавшись облаком брызг и вызвав тихий писк подруги, сопровождаемый хихиканьем.

Они разожгли костер из плавника, в обилии нашедшегося на полосе прилива. Мышка, подняв взгляд на попутчицу, улыбнулась и получила в ответ такую же искреннюю улыбку.

Одежда так и осталась висеть на кустах: надевать ее после купания сейчас, в наступающей ночной прохладе, было удовольствием ниже среднего. Дэш, усевшись на одно из одеял у разгорающегося огня, накинула сверху одно лишь полотенце, и Гайка тоже завернулась в свой лоскут.

Но в этот раз обе просто хотели побыстрее высохнуть, да и налипший на мокрую шерсть песок нес бы в себе мало приятного.

Не хотелось нарушать тишину, которую лишь подчеркивали потрескивание костра и тихий шелест спокойных волн.

Они еще долго так сидели и молчали. Пони достала из сумки банку тушеных овощей и бросила ее в костер – греться. Насчет Гайки Дэш не волновалась: в виду размеров та ела настолько мало, что пара ложек из одной банки не имела никакого значения.

- Море и вправду похоже на небо, – вдруг сказала пегаска, ворочая палочкой костер. Потом после паузы добавила. – На упавшее небо.

- Не грусти, – сказала Гайка. – Я уверена, твой антиграв заработает.

- Да знаю я, – отмахнулась Дэш. – Просто, куда бы я ни посмотрела, все напоминает мне о полетах.

- Немудрено, на таких-то просторах, – улыбнулась Гайка.

- Не подумай только, что я ною...

- И в мыслях не было.

Рейнбоу вдруг улыбнулась:

- Знаешь, если бы не постоянная нервотрепка с этими глюками о прошлом, мне бы тут, пожалуй, понравилось.

- Правда? - удивилась мышка.

- Я сама удивилась, когда об этом подумала. Но ты только представь... целый мир, по которому ты можешь шагать... а лучше - лететь... вместе с другом.

Гайка чуть улыбнулась и смущенно отвела взгляд тем самым жестом, что покорила миллионы фанатов в веках.

- А ты... ты считаешь меня подругой?

Дэш вздохнула и поплотнее закуталась в полотенце и крылья:

- Да я сама только недавно нашла силы признаться даже себе...

- Спасибо, Рейнбоу, - Гайка придвинулась ближе к пони и повторила, - спасибо...

Мышка почувствовала, как ее обнимают одновременно крылом и полотенцем. Сразу стало гораздо теплее, хотя невдалеке и без того потрескивал костер.

- Давай ужинать, что ли, - сказала Дэш, - и спать. Завтра нам еще скакать и скакать. А точнее, мне. А тебе трястись, так сказать, в седле.

Она ненадолго оглянулась на Белый Шпиль, что возвышался над Сумеречным заливом.

Огромные рубиновые глаза отражали отблески света исполинской башни, когда пегаска смотрела в накрывший мир купол звездного неба.

Ей очень, очень хотелось верить, что не все прегрешения Рейнбоу Дэш Вендар придется встретить здесь, в Мире Дорог...

- Дэш, - позвала Гаечка, когда обе путешественницы уже устроились на подстилках.

Было решено заночевать прямо тут, поспав на мягком песочке, подстелив все то же одеяло. Вообще, хорошей идеей казалось идти вдоль пляжа до тех пор, пока это возможно.

- Чего? - отозвалась пони, лежащая спиной к Гайке.

Той послышался было шелест бумаги, но мышка не придавала значения.

- Мне страшно...

- Что? - Рейнбоу повернулась к мышке. - С чего это вдруг?

Гайка почувствовала, что больше всего на свете ей сейчас хочется подбежать к пегаске и снова закутаться в ее крыло: такое сильное, надежное и теплое.

- Я... я боюсь того, что может ждать нас там, - мышка махнула рукой в сторону исполинской белой башни.

Даже если пегаска и не заметила этот жест, то наверняка поняла правильно.

- Да брось. Ты ведь не спасовала перед Ловчим.

- Я думала Ловчий угрожал лишь моей жизни... А после Поезда Несбыточного... я боюсь. Иногда мне кажется, что я... не смогу продолжать. Я не готова встретиться с тем, что ждет меня в конце.

Рейнбоу Дэш даже привстала на своем спальнике, глядя на лежащую на подстилке мышку. Та изо всех сил сдерживалась, чтобы не свернуться под одеялом комочком.

- Это на тебя не похоже, - заметила пони. - Насколько я помню, ты достаточно смелая, чтобы встречать опасность лицом к лицу.

- Когда это?

- С волком, чтоб далеко не ходить. И если в той жизни, то, помнится, ты была готова прожечь меня лазером насквозь ради Скутс, то теперь готова просто... все бросить?

Гайка смутилась:

- Лазер был не боевой... Им можно что-то резать, но долго. А серьезно ранить кого-то... разве что моего размера или если попасть, допустим, в глаз.

Рейнбоу уже хотела было сказать что-то ободряющее, но до нее с запозданием дошел смысл слов мышки:

- Пстой. То есть ты хочешь сказать, что блефовала и была готова расстаться с жизнью ради маленькой пегаски, просто потому, что не могла оставить ее в беде? И теперь пасуешь перед дорогой, на которой мы еще не встретили ничего, с чем бы не справились?

Гайка спрятала лицо в ладонях:

- То, что я могу встретить, не прожжешь лазером... тем более, неработающим.

Она услышала, как Рейнбоу подошла и села рядом. И сразу сбылось мимолетное желание Гайки: ее укрыли крылом.

- Эй, не распускай нюни, - сказала Дэш. - Если я смогла вовремя остановиться и не стать пародией на человека, что всю жизнь издевался надо мной, значит, и ты сможешь встретиться со своими страхами. А если нет, то я им так наподдам, что они убегут в ужасе от меня. Не будь я Рейнбоу Дэш!

- А что будет, если ты встретишь того, чью смерть не сможешь оправдать? - вдруг спросила Гайка. - Того, кто не простит тебя? Что ты сделаешь, избеешь его? Снова убьешь?

Слова мышки хлестнули Рейнбоу, словно плетью. Она как будто воочию увидела лица тех, чью жизнь отняла походя, не руководствуясь ничем, кроме злобы. К вящей радости Алекса. Тех, кто, в отличие от Спитфаер, не испытывал к радужной чемпионке никаких чувств, кроме, может быть, презрения или страха, причем вызванных самой пегаской.

Пожалуй, прежняя, едва ступившая в Мир Дорог Рейнбоу Дэш Вендар попросту бы развернулась и ушла после такого.

Но она-теперешняя только вздохнула и тряхнула головой, отгоняя видения прошлого и тягостные воспоминания, и сказала:

- Я не знаю, что ты натворила в прежней жизни, но уверена, что тому были дискордовски убедительные причины. И если там, - пони мотнула головой в сторону высокой белой башни, - этого не поймут, то будут иметь дело со мной. Поняла?

- Да... - Гайка утерла слезы тыльной стороной ладони. - Прости, я что-то...

- Я все понимаю, - перебила пони. - Ты помнишь, что нам обеим есть, о чем жалеть и в чем раскаиваться, верно?

«И я надеюсь, что больше не придется до самого Шпиля», - добавила она мысленно.

- Помню, - Гайка прикрыла глаза и расслабленно прислонилась к пегаске.

Они в эту ночь легли рядом, хотя было не так уж и холодно. Просто так обеим показалось правильнее. Да и маленькая шпионка чувствовала себя куда в большей безопасности, когда ее сверху накрывал навес из небесно-голубых перьев...

* * *

...Проснувшись утром, Гайка увидела, как Рейнбоу Дэш снова старается взлететь. Стоя на всех четырех копытах и ритмично взмахивая крыльями, пегаска от натуги даже жмурилась.

Как она умудрилась вылезти из-под одеяла и убрать крыло так, что чутко спящая шпионка этого не заметила, оставалось загадкой.

«И раз, и два, и три!» – прочитала мышка по губам.

Лазурные перья раз за разом взрезали воздух. Было видно, как пегаска изо всех сил тянется в небо.

Но копыта пони оставались на песке пляжа. Короткие крылья лишь беспомощно поднимали пыль...

- Ну почему?! – негромко воскликнула Дэш со слезами в голосе.

Сердце Гайки сжалось.

- Дэши, – позвала она, и к ней повернулась пара повлажневших рубиновых глаз, – не расстраивайся.

Рейнбоу подпрыгнула, беспомощно хлопая крыльями, но все равно гравитация неумолимо притянула пегаску к земле.

- Почему не получается? – снова спросила пони, ни к кому в отдельности не обращаясь. – Окей, антигравитация больше нет, но я гребаная волшебная лошадка с крыльями, способностью рожать и огромным желанием вернуться в небо! Спитфаер сама сказала! Почти получилось ведь уже!

Гайка вздохнула. По всему получалось, что неспособность Дэш взлететь была попросту чьим-то жестоким произволом. И это было последней ниточкой, удерживающей на плаву версию о нереальности происходящего.

Взгляд Гайки упал на лежащий в песке клочок бумаги, исписанный немного корявым почерком, характерным для пони: как бы там ни были приспособлены копыта цветных лошадок к тонким операциям, каллиграфия никогда не была их сильной стороной. Обладающие телекинезом единороги не в счет.

«Письмо Соарина», – догадалась мышка.

Рейнбоу Дэш тем временем издала громкий вздох и, сложив крылья, повернулась к попутчице.

– Давай завтракать и собираться, – сказала пони. – Надо скорее закончить со всем этим.

– Давай, – Гайка попыталась подбодрить подругу улыбкой, но ничего не вышло.

Во время завтрака, который состоял из хрустящего батона, нескольких яблок и заваренного в котелке чая, мышка пыталась как-то достучаться до пегаски, но та слишком погрузилась в свои мысли.

Даже когда вылизывала языком банку сгущенки, которую слопала почти в одиночестве: Гайке просто в силу размера было не съесть столько, сколько понише.

– Заедать проблемы – последнее дело, – прокомментировала мышка после того, как пустая жестянка полетела в костер.

Дэш только фыркнула, но это, по крайней мере, было лучше, чем молчаливое отчуждение и самокопание.

– Ты все же решилась прочитать письмо? – спросила, наконец, Гайка, когда молчание сделалось совершенно невыносимым.

Она вновь ехала на своем месте, сидя на загривке пони поверх плотной куртки. На этот раз мышка подстелила под себя свое одеяло: тяжелая кожаная куртка была жесткой и при длительных переходах натирала даже сквозь комбинезон.

А переход предстоял длинный.

– Угу, – буркнула Дэш. – Как я и предполагала. Чувство вины, просьбы о прощении и прочие сопли с сахаром.

Гайка улыбнулась уголками рта и вздохнула. Она видела насквозь метания Рейнбоу, чувства которой, несмотря ни на заверения, ни на что-либо еще, не угасли до конца. Да и как могло быть иначе? Если бы Дэш был безразличен Соарин Пишчек, они бы даже не услышали друг о друге в Мире Дорог.

- И, конечно же, ни слова о том, как он умер, и ни слова о той, другой Рейнбоу, которой он успел заменить себе... меня.

Гайка вздрогнула. Ей показалось, что мысли Дэш идут в каком-то совершенно неправильном направлении.

- Ты еще что-то чувствуешь к нему, - сказала Гайка, и это был не вопрос.

Тем не менее, лазурная пони возразила:

- И вовсе нет! Просто...

Она явно не находила, что сказать, судя по тому, как покраснели ее уши.

Но Гайка сама пришла на помощь, не желая по-новому беречь старые душевные терзания:

- Хочешь, расскажу, как у меня было дело?

- Какое еще дело? - сварливо осведомилась Дэш, ухватившись за возможность сменить тему.

- Известно, какое, - мышка улыбнулась. - Личная жизнь.

- Ты говорила. Твой начальник или типа того.

- Там все сложнее, - сказала Гайка, вздохнув, - и то, что я рассказала - только начало истории. А конец... конец привел меня к тому, чем я стала в конце концов.

Дэш поморщилась, но скорее уже просто по привычке.

- Ладно, - сказала она, - ты меня заинтересовала. Мне казалось, у тебя все было более или менее нормально.

- Ну, если только поначалу...

...Этой зимой положение мышинной общины Европейского Гигаполиса едва не стало отчаянным.

Во-первых, до убежища едва не добралась шайка разумных фокстерьеров, способных из-за своих размеров подойти почти вплотную по сети труб.

В колонию они проникнуть, конечно, не смогли, но несколько неосторожных мышей нашли смерть от их зубов, пытаясь выйти наружу. Ник Грабовский, подняв в ружье ополчение общины, вышел в главный грузовой коридор, но бандитов уже и след простыл: явные «гастролеры». Собаки хапнули все, до чего смогли дотянуться, и двинулись дальше, в глубину трущоб Гигаполиса.

Во-вторых, перестала работать старая подземная котельная, над которой и была построена колония. Ходивший туда посыльный вернулся с печальными вестями: старый владелец умер, а новый, лис-фурри, взвинтил цены на тепло всему микрорайону. После двух суток холода рвач получил нож в ребра, но успел нагадить напоследок: выпустил из баллонов весь газ и сломал пульт управления. Приводить же в порядок старую котельную, вдобавок готовую взлететь на воздух от малейшей искры, никто не стал.

По крайней мере, пока. Жители субрайона понимали, что тепло нужно всем, но взаимное недоверие не позволяло даже скинуться всем миром на ремонт и топливо: велик был шанс, что сбор закончится простым исчезновением доброхота вместе с деньгами.

Посыльный же в котельной чуть не околел от удушья, но, уходя, включил вытяжку: еще не хватало устроить взрыв только потому, что какому-то бродяге взбредет в голову кинуть окурочек не в том месте и не в то время.

И теперь Теплый Столп, пронизывавший всю общину сверху донизу и, по сути, являющийся магистральным теплопроводом, был холоден как лед, и лучшее жилье в центре поселка моментально превратилось в худшее.

А значит, помимо рейдов за продовольствием и, особенно, сыром, нужно было еще и топливо. И не для машин, переделанных из игрушечных, а для домов.

Главным топливом стал традиционный для трущоб мусор. Пришлось, конечно, устраивать систему дымоотвода, но на верхних этажах все равно стало совсем несладко: удушливый смог повис в замкнутом пространстве общины, вентиляция не справлялась.

Но мышам и прочим мелким синтетам было не привыкать к трудностям. Потеснились те, кто жили внизу и подальше от бывшего Теплого Столпа, сделали дымоходы, паутиной трубочек протянувшиеся вверх.

Пережить зиму – а там можно будет устроить что-то понадежнее.

Гайка Коннорс, облаченная в теплый комбинезон, шла к Нику Грабовскому с докладом. Рейд за сыром окончился удачей: удалось выторговать у поставщика нужное количество взамен всего лишь на несколько льготных суток слежки за его конкурентами. Мыши – маленькие существа,

а увидеть могут многое, незаметно пробравшись туда, куда нет хода большим существам.

Сняв теплую варежку, мышка подула на ладонь: зима выдалась суровой, и даже тут, под землей, все уже промерзло.

Постучав, Гайка вошла в дом старосты общины.

В следующий миг ее сердце дрогнуло: в кресле напротив Ника Грабовского сидел, закинув ногу на ногу... Джерри.

В костюме и шляпе-котелке, при трости и небольшом чемоданчике, прямо как бизнесмен времен давнишней Великой Депрессии.

Нет, конечно, умом мышка понимала, что Джерри Фитцджеральд, скорее всего, мертв: она сама видела, как один из разумных псов-сторожей настиг его. Этот крик до сих пор преследует Гайку в кошмарах.

Но этот взгляд, эти движения... Хотя во взгляде конкретно этого Джерри было что-то совсем чужое и как будто даже недоброе.

Ни следа от нежности и доброты возлюбленного...

Неловкую паузу разорвал Ник Грабовский:

- Познакомься, Гайка, - сказал он, - с Джерри Статли. Мистер Статли, это Гайка Коннорс, о которой я только что говорил.

- Очень приятно, милая леди, - встал и поклонился Джерри, сняв при этом шляпу-котелок, - насышан.

Гайка, немного оправившись от шока, поняла, что ей уже успели поцеловать руку, и вопросительно уставилась на Грабовского.

Тот сказал:

- Джерри Статли - вольный торговец и хочет осесть у нас. Взамен предлагает нечто... что может стать полезным. При твоём содействии.

- Содействии?

- Да. У Джерри есть портативный климатконтроллер. А у нас - шунт в электросеть. Мы можем

с помощью этого устройства решить проблему тепла для общины... и вообще очистки воздуха. Но есть одно «но».

- Какое? - похолодевшим голосом спросила Гайка, хотя и так догадалась.

- Он неисправен. Наша техническая служба не смогла разобраться, в чем дело. Я знаю, ты не хочешь быть механиком, очень не хочешь... и ни за что не стал бы тебя просить, если бы не крайняя нужда.

Мышка промолчала, глядя в сторону. Ну как объяснить ему, что после так называемого «револьверного метателя ножей», Гайке претит возиться с любой техникой?

- Это нужно всем, - надавил Грабовский. - Всей общине, понимаешь? Иначе мы можем просто не дожить до весны, если такие морозы продлятся еще недели три. Скоро снаружи будут убивать за дрова, а мы не можем себе позволить превращаться в осажденную крепость.

Взгляд голубых глаз поднялся, и старый мыш осекся.

- Хорошо, - тихо сказала Гайка, - я помогу. Ради общины. Но и только.

С этими словами она развернулась и вышла, не слушая ни благодарностей, ни извинений.

Лишь с горьким пониманием того, что между ними отныне пролегла трещина, которую будет очень сложно преодолеть.

Потом Ник пытался отговорить Гайку от встреч с Джерри Статли, после чего эта трещина в их отношениях переросла в пропасть.

Мышка решила, что Ник просто ревнует, хотя тот с самого начала видел пронируемость скрывающегося и от банд, и от властей «бизнесмена».

Хотя справедливости ради следовало отметить, что отчасти так и было, но Статли уже вскружил голову доброй мышке.

И едва отремонтированный климат-контроллер дал общине тепло и свежий воздух, Гайка Коннорс оказалась в обществе нового Джерри.

Быстро охмутив растаявшую от воспоминаний мышку, тот с беспечным безразличием отвернулся от нее через очень короткое время. Когда подобное повторилось еще с тремя мышками, в дело вмешался Ник Грабовский.

Слово за слово, Джерри Статли не досчитался одного резца и был выкинут вон, чтобы больше не множить раздоры и обиды в большой и дружной мышинной семье.

Но сердце Гайки Коннорс было уже разбито. И если другие жертвы проныры пережили это более-менее спокойно, то добрая мышка погрузилась в свое горе с новой силой.

И на второй день после изгнания Статли она пришла к Грабовскому и заявила, что уходит на новые поиски себя.

Старый мыш не стал ее отговаривать.

Лишь начав, он заглянул в голубые глаза и осекся на полуслове. О чем он сам подумал в этот момент, Гайка не знала, но была благодарна за беспрепятственный уход.

- ...Не прошло и дня, как я оказалась на приеме у мистера М, - закончила она свой рассказ, - остальное ты более-менее знаешь.

- А ты еще виделась с ним? - спросила Дэш, думая о своем.

- С кем? - переспросила Гайка. - Со Статли? Нет. Он исчез после изгнания из общины. Я его судьбой не интересовалась.

- Да нет. С Грабовским.

- И с ним нет. Помнишь, я была обижена на него. И вообще, я больше не возвращалась в общину.

- Так глубоко обиделась? - удивленно спросила Дэш. - И даже не захотела объясниться?

Мышка вздохнула.

- Я, наверное, боялась, - сказала она после паузы. - Боялась, что старые чувства снова вспыхнут, и снова будет больно... Позже.

Дэш какое-то время шла молча, потом вздохнула и покачала головой на ходу:

- Смех и грех. Две идиотки, которые по собственной глупости сами оттолкнули тех, кому были дороги.

Гайка невесело усмехнулась, хотя пони и не могла сейчас ее увидеть:

- Точнее и не скажешь.

- Кажется, я нашла, что же у нас, Дискорд побери, общего было изначально, - предположила пони.

- Неустроенность личной жизни? - мышка малость опешила. - Знаешь, это был бы ужасно окольный путь, чтобы указать нам на это.

Пегаска приостановилась и показала вперед, на подпирающую небеса белую башню, не желая больше длить этот разговор:

- Вот что важно, - сказала пони не без торжественности в голосе. - Осталось всего ничего...

Гайка погладила ее по шее, где застарелый шрам от пореза уже практически не был виден:

- Ты права. Скоро мы получим ответы на все вопросы... - в понячьих глазах на мгновение мелькнул ледяной огонек, - и лучше бы они мне понравились...

* * *

...Вскоре выяснилось, что в определении расстояния до Белого Шпиля обманулась не только Дэш.

Казалось, что исполинская башня, будто издеваясь, отодвигается от путешественниц с каждым шагом. Хотя, возможно, тут как раз в дело вступили необъяснимые свойства этого мира.

Да, они довольно быстро двигались: Дэш просто наслаждалась ощущением здоровой ноги и с удовольствием шла бодрой рысью, оставляя каждый день немало километров позади.

Дорога пролегла вдоль берега, и пони с мышкой зачастую купались, особенно если днем на небе светили оба солнца. Близкое море делало воздух не таким сухим, как в степи, но все равно путешественницы не отказывали себе в удовольствии поплескаться в ласковых волнах залива.

Единственное, что их обеих немного раздражало, так это невозможность смыть морскую соль. Родничок, который попался на пути, оказался довольно слабым и едва годился для пополнения

запасов воды. И хотя Гайке для мытья таких объемов бы хватило, она ни разу не высказала такого желания. То ли из солидарности с подругой, то ли еще почему, Дэш не стала уточнять.

Но ни пегаска, ни Гайка не жаловались: их обоих переполняло то чувство радостного вдохновения, которое возникает от близости желанной цели.

Пока никто из них не возвращался к тяжелым воспоминаниям и разговорам. Просто никому не хотелось портить приподнятое настроение, охватившее путешественниц.

Под копыта Дэш километр ложился за километром, и пегаска даже иногда срывалась на легкий кантер, желая размяться.

Вокруг по-прежнему не было ни души.

Впереди маячил Белый Шпиль, далеко позади осталась железная дорога. С одной стороны простиралась привычная уже холмистая степь, а с другой лениво накатывались волны на песчаный берег залива.

Мышка и пони ночевали на берегу моря прямо под открытым небом, в лучшем случае ставя навес, когда видели облака, и ночью мог пойти дождь. Но пока погода оставалась сухой. День сменялся ночью, два солнца продолжали свой путь по небу, сменяясь куполом звездных небес.

Одним из дней путешественницы снова видели красный гидроплан, но пилот то ли сильно спешил, то ли ему не было дело до двух фигурок, машущих ему с земли.

Дэш на это прокомментировала, что будь у нее в порядке крылья, она бы «эту этажерку» уделала бы по всем статьям.

- Кроме грузоподъемности, - заметила на это мышка.

- А если наел такую задницу, что ее только самолетом поднять, то нечего лезть в небо, - парировала радужная пегаска, вызвав очередной приступ беззлобного хихиканья.

Они уже часто так подшучивали над чем-нибудь, зачастую даже немного подначивая друг друга. Но Рейнбоу Дэш, оказывается, могла вполне искренне смеяться над собой.

Гайка мысленно сравнивала угрюмую и злую пони в начале пути и теперешнюю: веселую, задорную и даже немного беспечную. Как будто вся наносная шелуха жестокого мира людей за эти проведенные в дороге дни слетела, вновь явив миру яркую понишку из доброго мира Эквестрии

Впрочем, Гайка иногда замечала, что в глубине рубиновых глаз еще мелькает какая-то тревога

при взгляде на Белый Шпиль.

Надо сказать, что за те несколько дней, что Дэш с мышкой на спине скакала по берегу теплого залива, огромная башня ощутимо увеличилась в размерах, и один лишь взгляд на нее заставлял сердце благоговейно трепетать.

И Гайка, и Рейнбоу согласились в том, что та, вероятно, по своей высоте превосходит даже Центральный Шпиль Дзедун в Китайской Аркологии. Более того, верхушка исполинской конструкции, скорее всего, выходит в космос, так как вершину рассмотреть так и не удалось.

- Знать не хочу, кто это построил, и как, - ворчливо заметила как-то Рейнбоу Дэш.

Прошло уже много дней пути, когда Белый Шпиль настолько приблизился, что своими размерами стал просто довлеть над окружающим миром.

В эту ночь Гайка почти не сомкнула глаз. Ею овладело странное беспокойство, как будто она что-то забыла сделать. Что-то важное.

В раздумьях мышка проворочалась полночи под крылом Рейнбоу, сон которой тоже наполнился беспокойством.

Наконец, покинув импровизированную постель, Гайка уселась подумать у едва тлеющих остатков костра. Она повернулась спиной к Шпилю, чтобы не наблюдать его бледное мерцание, которое уже стало настолько ярким, что затмевало часть звездного неба.

Почему-то Гайке это казалось неправильным - портить величественную красоту ночного неба Мира Дорог.

Так же, как и красоту звездного неба, ночную тишину нарушали звуки. Едва слышные, они вторгались в тихий шелест волн и прибрежной травы. Иногда мышке казалось, что в тишине морского берега она слышит едва различимые шепотки неясных голосов и смех, как будто доносящийся издалека.

Сейчас, в темноте, ее мысли шли в сходном направлении с желаниями Рейнбоу Дэш: бывшая шпионка тоже изо всех сил больше не хотела встречаться с прошлым. И надеялась, что близость Белого Шпиля свидетельствует о том, что больше испытаний не будет.

И, несмотря на то, что, как выяснилось, большинство жертв Ловчего и прочих убийц мистера М, которым Гайка невольно указывала цели, сами часто предпочитали смерть возвращению к прежней жизни или сотрудничеству с Маусом, гложущее чувство не покидало сердце.

Не было мира в душе мышки-тени, а лишь нестерпимое раскаяние и желание искупить свою вину. Казалось бы, Путь Гайки должен был быть усеян состоявшимися жертвами того же

Ловчего, но, судя по всему, те даже если и ждали кого-то в мире Дорог, то самого исполнителя.

Но этот человек, Алан, сказал, что Белый Шпиль виден только тем, кто готов в него войти.

И эта неизвестность пугала, повергала в ужас. Не страх смерти, нет, а как будто Гайка ждала скорого суда над собой, результатом которого станет какая-нибудь жестокая и обязательно позорная экзекуция. Вроде как в старину или в книгах кого-то могли, к примеру, прогнать кнутами по улицам в голом виде. Или через строй сослуживцев, которые у Гайки, как ни крути, тоже были.

- Не спится? - сонным голосом спросила Рейнбоу Дэш, не поднимая головы и не поворачиваясь к мышке.

- Нет, - вздохнула Гайка.

- Забей, - сказала пони сонным голосом. - Ты это ты, а прошлое это прошлое. Но если кто-то в той белой трубе до неба думает, что я перестану быть собой после всего этого, он очень скоро познакомится с копытами Дэш-гладиатора.

Сказав эту небольшую тираду, Рейнбоу устроилась поудобнее и вскоре снова захрапела в своей понячьей манере.

Гайка же, настроившись на диалог, даже растерялась. Потом покосилась на Белый Шпиль и решила, что устала бояться и дойдет до конца просто для того, чтобы не маяться неизвестностью.

И пусть ее судят. И что хотят делают. Все равно они не смогут наказать ее сильнее, чем она сама.

На горизонте, со стороны далекой уже железной дороги, мелькнули какие-то огни. На поезд было не похоже. Скорее, на фары какого-то автомобиля.

Но огни так быстро скрылись в изгибах рельефа, что Гайка, прождав пару минут, даже усомнилась в их реальности.

В голову полезли странные мысли. Вроде тех двух людей, что встретились Идущим у траншеи. Но огни больше не появлялись. Либо машина свернула, либо остановилась. Это при условии, что Гайке просто не померещилось.

Мышка так и просидела всю ночь, думая о прошлом и стараясь не вслушиваться в шепчущие в ночи голоса. На этом фоне храп Рейнбоу Дэш почему-то действовал на удивление успокаивающе...

* * *

...Чувство неясной тревоги никуда не делось, но немного притупилось к утру, когда желтое солнце показалось над горизонтом.

Мышка, чтобы не замерзнуть вне одеяла и крыла Дэш, разожгла ночью костерок. И теперь на нем уже успела вскипеть вода, в которую Гайка насыпала очередную растворимую кашу из тех запасов, что у них остались.

Было заметно, что Дэш проснулась с трудом, хотя солнце поднялось над горизонтом уже довольно высоко.

Сходяв к морю умыться, обратно пегаска вернулась совсем невеселой, опустив голову и довольно вяло переставляя ноги. Даже хвост, обычно выгибающийся дугой, теперь бессильно висел и волочился по земле.

- Что с тобой? - обеспокоенно спросила мышка, помешивая в котелке. - Ты заболела?

Пегаска тихо выругалась и ответила:

- Я в порядке.

- Нет, не в порядке, - возразила Гайка. - Видно же!

- Все нормально, говорю! - огрызнулась пони. - Сейчас поедим и дальше в путь.

- Ты еле ноги переставляешь, Дэш, - мышка укоризненно поглядела на подругу. - Ну, признайся что заболела, в этом нет ничего такого!

Пегаска помотала головой:

- Нет... это не то. Вернее, не совсем то.

Гайка сердито бросила ложку, которой ворочала в огромном для себя котелке, и уперла руки в бока:

- Рассказывай уже толком, Рейнбоу Дэш! Что ты как маленькая! Думаешь, я над тобой смеяться стану или в угол поставлю?

- Найдешь в степи хоть один угол - посигналь, - усмехнулась пегаска, но все же добавила. - Мне просто кое-что нужно, и все.

- И что же это? Секрет?

- Да не... просто глупо. Мне нужен сахар. Или фруктоза. Не обязательно в чистом виде, просто... что-то сладкое. Или фрукты.

Гайка перевела дух. По крайней мере, не встанет вопрос о таблетках или госпитале. Больница доктора Салазара осталась ох как далеко позади, и мышка была не вполне уверена, удастся ли до нее добраться, случись что.

А «хотеть» что-то нужным образом как-то не получалось. Иначе на пути уже попалась бы речка с пресной водой, а то от соли в шерстке уже хотелось лезть на несуществующие стены.

- И всего-то? - спросила мышка и покосилась на сумку. - Погоди, а в запасах ничего нет?

- Нет, - качнула головой Дэш. - Там шоколад остался, но он горький. Последний кусок сахара я слопала дня четыре назад.

Гайка поджала губы и снова взялась за ложку. Каша в котелке была немного сладкой, но, кажется, это был не сахар, а ксилит, к тому же, в каких-то мизерных количествах.

- Это грозит превратиться в проблему, я вижу... - задумчиво проговорила Гайка.

Рейнбоу Дэш уселась у огня и откинула от глаз отросшую челку

- Ты же знаешь, - сказала она, - пони не едят мясо, а энергии надо много. Особенно... на всякую «магию». Вот сахар и встроили в метаболизм...

- Можешь не продолжать, - перебила Гайка. - У меня та же фигня с сыром. Но, к счастью, его мне надо совсем чуть-чуть, и наш запас еще далеко не на исходе, а вот сахар... мда.

Пони продолжила:

- Алекс рассказывал, что без свежих фруктов и сахара пони может заболеть. В общем, я себя как-то так и чувствую: будто не отдыхала.

Гайка посмотрела на кашу.

- Может, у нас сгущенка осталась?

- Не, - покачала головой пегаска, - давно уже доели.

Гайка вспомнила, как попрекнула маленькую пони чрезмерной любовью к сладкому, и ей стало немного стыдно.

- Похоже, я рано уверовала в то, что больше не синтез, а волшебная и временно нелетающая лошадка, - невесело усмехнулась Рейнбоу.

- Пожалуй, в ближайшем селении надо будет поискать для тебя конфетку, - улыбнулась мышка, хотя на сердце поселилась нешуточная тревога. - Сколько у нас есть времени?

- Понятия не имею. Меня еще никогда не доводили до такого состояния, всегда удавалось достать сладкое вне дома. Даже в тущобах. Даже тут.

- Ну а что будет, если мы не найдем сахар? Тут может не быть поселений в виду близости этого... Шпиля.

Дэш нахмурилась и посмотрела на мышку:

- Не уверена, что хочу это проверять на себе путем эксперимента... Но я дискордовски уверена, что времени у нас немного.

- Надо понимать, - сказала Гайка, - что на станцию мы вернуться в любом случае не успеем.

- Готова поспорить, что да, - кивнула Дэш, - но, пожалуй, за пару дней я тебе ручаюсь. Потом... Что ж, потом поглядим. Если верить тому, что нам говорили об этом мире - мы где-нибудь найдем сахар.

Надежда была слабоватой, но лучше все равно ничего не было...

* * *

...Весь следующий день Рейнбоу брела по дороге, периодически борясь с накатывающей волнами слабостью изо всех сил.

К полудню пони еще чувствовала себя довольно разбитой, но потом приступы прекратились вплоть до вечера, когда пони стала попросту зевать на ходу, опустив голову чуть ли не до самой земли.

Разумеется, ничего похожего на сахар даже отдаленно Идущие не обнаружили.

Им даже не встретилось никакого жилья, где можно было бы одолжить кусочек нужного продукта или, на худой конец, купить.

Лишь к вечеру попался какой-то заброшенный домик на сваях. Еще стойко сопротивляющийся ветрам, воде и соли, хотя те уже смогли изрядно поработать над ним.

Прямо от постройки в сторону моря шел короткий пирс из не слишком ровных досок, а на берегу лежала какая-то совершенно разохшаяся от времени и ветров маленькая лодка.

Словно подгоняя путешественниц, где-то над степью грянул гром, а порыв холодного воздуха явственно намекнул на скорый дождь. Судя по приближающимся облакам, ничего похожего на ранее виденный шторм, но все же ночевать под открытым небом Мир Дорог явно не рекомендовал.

Гайка окинула взглядом их новое убежище. Дом, похоже, принадлежал рыбаку или лодочнику: разохшийся челн, несколько вбитых в песок пляжа железных палок – наверное, для сетей.

Хозяин, очевидно, давно ушел отсюда, или умер: все выглядело совершенно заброшенным.

По счастью, крытая металлочерепицей крыша еще не окончательно проржавела, яростно сопротивляясь коррозии слоем корабельной краски, а стены из покрытых пластиком панелей выглядели относительно надежными.

Дэш даже не стала спорить, когда Гайка предложила проверить дом на предмет чего-то полезного, а заодно переждать дождь.

Поднявшись по ветхим ступенькам, Рейнбоу чуть не споткнулась, а поскрипывание старого дерева дважды заставило насторожиться.

Дверь оказалась не заперта, и вскоре обе путешественницы оказались в единственной пыльной комнате. Из всей обстановки наличествовали лишь кровать с напрочь сгнившим матрасом, да грязная кирпичная печь, которую явно топили плавником и мусором: остатки запасов топлива нашлись в железном ящике.

Продуктов тут, разумеется, не осталось. Несколько бутылок из-под «Мехрена», засохшие до каменного состояния рыбины, надетые на проволоку в кладовке, да невымытая посуда в раковине. Причем уже заросшая каким-то мхом.

За неприметной дверью оказался санузел с работающим водопроводом, правда, вода из покрытых патиной медных труб шла весьма железистая и очень тонкой струйкой.

Впрочем, была надежда помыться в пресной воде: грядущий дождь вполне мог наполнить бочку на крыше, а снаружи был летний душ.

Когда с небес хлынуло, в доме уже горела печка, а полуистлевший матрас был использован для того, чтобы заткнуть самую большую щель в стене.

Разложив свой походный лагерь прямо в комнате, мышка и пони еще раз провели обыск здания, и Рейнбоу попала на глаза небольшая книжка, просто лежащая на столе чердачного помещения. Дэш залезла туда в поисках припасов или дырок в крыше, но не нашла ни того, ни другого.

Выглядела книжка поновее окружения. В частности, полимерный переплет выбивался из ветхой обстановки дома, да и соленая влага еще не успела добраться до содержимого. Никаких надписей на обложке не было, но, мельком заглянув внутрь и обнаружив знакомые буквы, Рейнбоу не стала вчитываться.

«Будет что почитать на ночь», – мысленно обрадовалась пони, которой в Мире Дорог иногда отчаянно не хватало привычного досуга.

Ее не пугала перспектива почитать на смешном языке этого мира. Наверное, это будет даже забавно, хотя накатывающая слабость и заставляла мысли иногда путаться.

Словно в ответ на мечты о сахаре, нашла закаменевший от времени, но все еще съедобный леденец в выцветшем фантике. Конфета оказалась единственным содержимым ящика стола, и, судя по всему, пролежала тут невесть сколько лет.

Дрожащими копытами пони с величайшей осторожностью развернула лакомство и с удовольствием почувствовала, как по языку разливается долгожданная сладость.

Облизав даже фантик и подавив искушение его тоже съесть, Рейнбоу обыскала всю комнату в поисках добавки. Ничего не найдя, немного разочаровалась, но была далека от того, чтобы жаловаться.

«И на том спасибо», – подумала пони, чувствуя прояснение в голове.

Она, конечно, понимала, что вскоре ее недомогание вернется: доза сахара была даже меньше

суточной, но, по меньшей мере, не придется провести вечер в мучительной слабости.

С этой радостной новостью Дэш направилась вниз, удерживая книгу под крылом.

В такой момент обретения пары маленьких радостей она даже была почти счастлива здесь, в странном и иногда даже пугающем Мире Дорог...

...За окном шумел дождь. Далекие отблески молний и раскаты грома периодически вносили разнообразие в эту ночь, но здесь, в доме и возле горячей печи, было на удивление тепло, сухо и уютно.

Гайка и Дэш приняли холодный (но зато пресный!) душ из дождевой воды, просто раздевшись и выйдя на улицу. И сейчас, завернувшись в полотенца, готовились ко сну.

- Как вовремя наткнулись на домик, - заметила мышка, - а то пришлось бы мокнуть всю ночь под навесом.

- Почему мокнуть? - спросила Рейнбоу. - Навес как раз и предназначен защитить от дождя.

Гайка показала на мутное окно, за которым уже почти ничего не было видно.

- Ветер сильный. Нас бы забрызгало и вымочило до нитки, тем более вблизи моря. И уж тем более вряд ли удалось бы разжечь костер.

- Ты права, - согласилась Дэш.

Потянув носом, пегаска сглотнула слюну при мысли о томатном супе с добавкой сухариков. Одну из путешественниц еще ждала очередная сырная палочка, а другую - пригоршня орешков. Накупленных при случае консервов и концентратов хватило бы еще на недельку, после чего снова остро встал бы вопрос питания. И это не считая сахара, в котором пони все еще отчаянно нуждалась.

Вскоре к приятному теплу от печки прибавилась и приятная тяжесть в животе от съеденного ужина.

Ложась спать, Гайка думала о том, что, в сущности, даже не важно, стал ли найденный на берегу моря старый рыбацкий домик случайностью или очередным сюрпризом от Мира Дорог. Здесь, сейчас, путешественницам было сытно, тепло и уютно, несмотря на барабанивший снаружи дождь и разволновавшееся от ветра море.

Рейнбоу же, полулежа на свернутом одеяле, решила немного почитать перед сном и раскрыла найденную книжку...

* * *

...Гайка проснулась.

Спустя мгновение она поняла, что разбудил ее всхлип Рейнбоу, что сидела, завернувшись в одеяло.

В мутное окошко падал луч солнца, подкрашенный алым от второго светила. В печке еще тлели угольки. Очевидно, пони подбрасывала топлива ночью.

Рядом с пегаской лежала найденная на чердаке книжка, которую Дэш собиралась почитать перед сном.

- Ты что, читала всю ночь? - спросила Гайка, вставая, и радужная пегаска только кивнула, шмыгнув носом. - Что там?

Повисла пауза. Мышка села на кровати и потянулась, после чего подтянула к себе комбинезон, который вчера варварски постирала. Тонкая электроника наверняка вышла бы из строя, если бы работала в этом мире изначально.

- Это... дневник моей подруги, - собравшись с духом, произнесла тем временем Рейнбоу. - Твайлайт Спаркл... МакАлистер. Помнишь, я говорила о ней?

- С ней ведь что-то случилось, да? - уточнила Гайка, одеваясь.

- Да... случилось. Она погибла на Арене... Давно уже.

Гайка заметила, что, рассказывая об этом, Дэш начала тихо плакать. Слезинки выкатились из глаз и упали на дощатый пол рядом с раскрытой книгой.

- Дэши... - позвала мышка, которую пронзила страшная догадка. - Ты ведь не все мне рассказала про Твайлайт, да? Как она погибла?

Рейнбоу всхлипнула и снова кивнула. Гайка подошла к пегаске и положила ладошку на ногу сидящей пони, которая изо всех сил старалась сдержать слезы, но сил этих было явно недостаточно.

Наконец, пегаска зло утерлась копытом и вздохнула несколько раз, собираясь с духом. Затем встретила с мышкой взглядом, и у той заняло сердце от боли, что переполняла огромные понячьи глаза.

Голос Дэш звучал тихо, когда она начала рассказывать, но от этого ничуть не было легче:

- Твайлайт Спаркл МакАлистер не просто погибла на арене...

Три кобылицы сидят в раздевалке в ожидании нового боя. Рейнбоу Дэш Вендар, стремительнодвигающаяся вверх по рейтингу юниоров, Твайлайт Спаркл МакАлистер, тоже подающая надежды юниорка на год старше, и Рейнбоу Дэш Хоул, которая просто присоединилась к компании, так как состоит в другой лиге.

Молодые пони, как всегда, немного нервничают перед боем, и Дэш Хоул старается развеять их волнение шутками. Юмор старшей пегаски грубый и пошлый, что заставляет двух юных кобылок жарко краснеть и чуть ли не жаться друг к другу в поисках защиты.

Дэш Хоул, наблюдая за этим, искренне веселится, но все же решает немного поторопить события:

- Я вот тебя не понимаю, МакАлистер, - сказала пегаска. - Ты бросаешь томные взгляды в сторону Вендар, но дальше этого дело не доходит.

Твайлайт, мордочка которой просто пылает, с пискотом прячет ее в копытцах.

И ведь не поверишь, что через минуту-другую эта пони будет всерьез драться с кем-то до кровавых соплей и потери сознания.

Рейнбоу Дэш Вендар хочет уже прийти на помощь подруге, но Хоул останавливает ее жестом копыта:

- Не перебивай. Твай, ты профессиональный гладиатор, которого могут убить в любой момент, и никто не прольет по тебе и слезинки, так?

- Так, - тихо отвечает единорожка, опустив уши.

- А ты, - Хоул поворачивается к Дэш Вендар, - собственность Алекса, которую он явно холит и лелеет не для добрых дел, ведь ты это понимаешь?

- Понимаю? - молодая Дэш искренне изумлена. - Я вообще не врубаюсь, чего вы все гоните на Алекса.

Хоул только морщится и снова поворачивается к Твайлайт:

- Так какого Дискорда ты ходишь вокруг да около? Ждешь, пока она окончательно втрескается в своего хозяина? - она сделала паузу и добавила с нажимом. - В Алекса Вендара!

Твайлайт, не в силах вымолвить ни слова, просто качает головой.

- А тебе, ерзик, нравится наша Твай? - интересуется Дэш Хоул, и теперь настает очередь Вендара снова жарко краснеть:

- Ну... она классная. И нам вместе здорово.

Хоул кивает:

- Вот и ровненько. Твайлайт, значит так, чтобы после следующего боя ты подарила Дэш Вендар такую ночь любви, о которой она никогда не забудет, ты меня поняла?

Молодые пони синхронно прижимают уши. Несмотря на свои успехи на гладиаторской арене, их личная жизнь совершенно не устроена.

Твайлайт, заикаясь от смущения, все же выдавливает:

- Я... я... я не могу.

Юная Дэш, опыт которой ограничен виртуалкой и стыдливими фантазиями, тоже теряется:

- Э... я как-то не в этом смысле, типа...

Хоул, игнорируя радужную подругу, с нажимом говорит, смотря в глаза Твайлайт МакАлистер:

- Ты не хочешь сделать своей подружке приятно, нехорошая кобылка?

- Х-хочу... просто я... я никогда раньше...

Хоул с деланным отчаянием возводит очи горе:

- Что я делаю в этом пансионе институток?!.. - переводит взгляд на пунцовую Твай. - Всему вас учить... В общем так. Сегодня никуда не расходитесь. Старая Хоул преподаст вам урок любви в душевой. И не краснеть мне тут, я буду только смотреть и подсказывать, как стать умелыми шаловливыми. Хотя и не буду возражать, если позовете присоединиться.

Жарко краснеющая Твайлайт кивает, стараясь не встречаться взглядом с Дэш. Ни на одну.

Молодая радужная пегаска тоже находится в смешанных чувствах: Алекс давал ей четкие инструкции по поводу жеребцов и брони, но вот кобылок его инструкции не касались. Специально?

И, признаться, в этом направлении она еще не мыслила, хотя, по статистике, почти девяносто процентов пони - кобылы, так уж сложился рынок синтетов в свое время.

Фантазия заботливо подкидывает пару образов с участием Твайлайт Спаркл МакАлистер, которые Дэш находит довольно увлекательными. Настолько, что даже присутствие старшей подруги не заставляет отказаться от этой идеи.

Радужный хвост непроизвольно дергается в сторону, а крылья делают попытку расправиться в возбуждении, что, конечно, не ускользает от внимания Рейнбоу Дэш Хоул:

- Вот давно бы так, - кивает она.

В этот момент, приглушенный стенами, доносится голос авторефери:

- Дамы и господа, кобылки и джентелькольты, вы этого давно ждали? Сегодня на арене сойдутся в поединке Твайлайт Спаркл МакАлистер и Рейнбоу Дэш Вендар.

Дэш Хоул, улыбка которой моментально испаряется, грязно матерится на протяжении двадцати секунд, не меньше.

Подходит еще один их друг, фестрал Бейн Блейд.

- Девочки, вас на арену, - видно, что он говорит сквозь зубы. - Оранжевый.

Твайлайт со слабой улыбкой произносит:

- Может быть, все еще обойдется?

В ответ на нее смотрят рубиновые глаза старшей пегаски, наполненные отчаянием. И это отчаяние в глазах будет постоянным спутником Дэш Хоул вплоть до того момента, как Вендар

ее убьет, но тогда еще никто из пони не знает об этом.

- Что значит «оранжевый»? - подает голос Дэш Вендар.

Бейн Блейд просто показывает на голографическое табло.

На оранжевом фоне горит надпись «Рейнбоу Дэш Вендар против Твайлайт Спаркл МакАлистер»

Пони переглядываются.

- Оранжевый бой означает, что судьбу проигравшего будут решать зрители, - говорит Твайлайт, глядя в глаза подруги. - Красный фон - бой сразу насмерть. Синий - до первой крови. Зеленый - бесконтактный бой, имитация. Желтый - как обычно, пока кто-то из участников не утрачивает способность подняться или не сдастся.

- Никогда не видела синий или зеленый фон, - замечает пегаска.

- Я тоже, - хором отзываются Твайлайт и Бейн Блейд.

Хоул же замечает:

- Я видела. И даже участвовала. Раза два или три, когда клуб только открылся. И в оранжевом тоже. Разок, только зрители и спасли - отделали меня качественно.

Твайлайт, сжав зубы, старается не смотреть на радужную подругу, которую минуту назад уже стыдливо представляла в своих объятиях:

- Это то, о чем я говорила. Не надо было нам сближаться, Дэш Вендар. Как знать, возможно, кому-то из нас придется убить другую сегодня.

С этими словами она бредет в коридор, ведущий на арену.

Дэш Вендар вскоре догоняет ее:

- Я не буду убивать тебя! Ты моя подруга!

Твайлайт не отвечает, опустив зеркальные очки шлема. Бойцу-телекинезику не хочется, чтобы юная Дэш видела ее слезы. Она не может отказаться от этого боя: если тот объявлен, значит, гладиаторская школа не возражает.

...Этот бой затягивается настолько, что зрители начинают терять терпение и кричать с трибун, но пони не слушают.

Рейнбоу Дэш, уворачиваясь от летающих ножей Твайлайт, не находит в себе сил драться всерьез с той, с кем буквально несколько минут назад шутила и смеялась, болтала и обнималась.

С той, кто обещал подарить ей чудесную, незабываемую ночь.

Это чувство близости, искренней радости, не дает Рейнбоу Дэш Вендар атаковать как следует.

- Дерись! - кричит тем временем Твайлайт МакАлистер, и рог ее сияет лиловым светом. - Дерись, соплячка, иначе пеняй на себя!

Ножи, снова построившись в хитрую фигуру, летят в Дэш, но та больше не уворачивается.

«Она не убьет меня, - думает Рейнбоу. - Пусть я проиграю...»

Лезвия ударяют в многослойную броню пегаски, отбрасывая ту назад. Сила телекинеза такова, что Дэш без труда представляет, как блестящие клинки обаграются кровью, выходя из ее собственной спины.

Сейчас же ножи пробивают броню и на сантиметр-другой погружаются в плоть, намертво застряв в композитных пластинах.

Дэш, вскрикнув больше от неожиданности, чем от боли, бьется о бортик арены и сползает на песок.

Твайлайт приближается. Рог, пылающий лиловым пламенем, отбрасывает блики на зеркальное забрало единорожки, и Дэш видит, как из-за спины подруги вылетает фигурный меч-коса.

Единорожка редко им пользуется: тяжелый клинок требует усилий на перемещения в кинетическом поле и быстро выматывает.

Ритмичный крик вдруг вторгается в шум в ушах, заглушив даже музыку, что всегда ревет во время боя. Рейнбоу поднимает взгляд и видит, как люди-зрители вытягивают руку со сжатым кулаком и показывают большим пальцем вниз.

- Смерть! Смерть! Смерть! - раздается глухое скандирование, и Рейнбоу с ужасом видит, что и некоторые пони на трибунах присоединяются к зловещему хору, указывая вниз копытом.

«Они все желают моей смерти!» - с ужасом думает пегаска и снова переводит взгляд на Твайлайт.

Та уже заносит меч, и почему-то Дэш обретает полную уверенность, что подруга не станет задерживать матово поблескивающее лезвие.

Рейнбоу, сжав зубы, бросается вперед как раз в тот момент, когда украшенная шестиконечными звездами коса начинает опускаться. Поднырнув под свистнувшее лезвие, Дэш с криком сметает единорожку с копыт и валит на землю. Скорее машинальный, чем осознанный удар по рогу - и страшный меч бессильно падает в песок, а единорожка в голос кричит.

Нанося удар за ударом, Дэш захлебывается слезами боли. Физической - от воткнутой в тело ножей. И душевной - от того, что приходится драться с той, кого Рейнбоу уже с уверенностью может называть даже больше, чем другом...

- Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! - продолжают скандировать трибуны, когда Рейнбоу, наконец, отрывается от противницы. Та лежит на спине, повернув на бок разбитую мордочку. Клинок Рейнбоу Дэш так и остается в ножнах, но Твайлайт уже повержена.

Песок вокруг усеян блестящими осколками зеркального забрала, и Дэш теперь может видеть фиолетовые глаза единорожки, мокрые от слез и заплывающие синяками.

- Нет! - вдруг кричит победившая гладиатор, задрав мордочку к трибунам, и этот отчаянный крик будто обрывает все: скандирование, музыка - все стихает. Теперь слышно даже хриплое дыхание Твайлайт МакАлистер, что уже не находит сил сопротивляться.

- Она проиграла, что вам еще надо?! - кричит Дэш, глотая слезы.

Безразличный голос, усиленный динамиками, произносит:

- Зрители заявляют бой до смерти. С арены уходит лишь один участник. Или не уходит никто.

Рейнбоу, стараясь не встречаться взглядом с сидящим на трибуне Алексом, снова смотрит на подругу. На пегаску в ответ поднимаются подбитые фиолетовые глаза...

- Сделай это, - хрипит Твайлайт, - или они убьют нас обеих. Авторефери оборудован бластером.

Словно подтверждая ее слова, где-то наверху слышится жужжание сервоприводов, а на обеих поняшах появляются красные точки целеуказателей.

- Не буду, - угрюмо цедит Дэш. - Я не убийца.

- А я - убийца! - сорвавшись на сиплый визг, кричит Твайлайт, и ее рог снова окутывается сиянием. - И я хочу жить! Хочу!

Меч-коса взмывает с песка под восторженный вздох зрителей. Но вскоре падает обратно: молниеносным движением выхватив нож, Рейнбоу Дэш Вендар втыкает его в незащищенное горло Твайлайт.

Она еще чувствует горячую струю, облившую копыта. Но уже не слышит, как воеет победная сирена. Не слышит, как трибуны скандируют ее имя. Не смотрит даже на Алекса Вендара, вновь подарившего воспитаннице свою одобрительную улыбку. Повесив голову и уши, Рейнбоу бредет обратно по коридору, вздрагивая от сдавленных рыданий.

Вернувшись в раздевалку, Дэш молча скидывает с себя броню и одежду, после чего направляется в душ, игнорируя и взгляды, и вопросы друзей.

В душ за ней никто не идет.

И уже стоя под струями ледяной воды, там, где никто не слышит, Дэш позволяет себе разрыдаться. Стекающая с тела вода окрашивается красным из-за многочисленных порезов, раны щиплет, но наплевать. По сравнению с болью в сердце это остается просто ничем.

Подруги нет. И не будет. Все. Никакой больше Твайлайт Спаркл МакАлистер.

И она, Рейнбоу Дэш Вендар виновна в этом.

Неожиданно чьи-то копыта обнимают пегасочку сзади, и низкий, мягкий голос произносит:

- Не плачь, маленькая Дэши. Помни, эта кровь не на твоих копытах. Эта кровь - на руках людей.

Дэш, помолчав, замечает:

- Я тут моюсь, вообще-то.

- Я не пялюсь на тебя, - говорит стоящий сзади жеребец, - не надо так. Мы все ходим под этим, а в первый раз всегда тяжело.

- Она была права, - всхлипывает Дэш, которой совсем не хочется плакать в чьем-то присутствии. - Нельзя сблизиться...

- Вздор, - перебивает жеребец. - Арена это арена, а жизнь это жизнь. Хозяева редко ставят

даже оранжевый бой, но тут, видимо, кто-то настоял, или просто случайность.

Рейнбоу вспоминает слова, которые друзья наперебой говорили о ее наставнике, но старательно гонит эту мысль.

Алекс, ее Алекс, не мог так поступить с ней.

- Тебя как зовут-то хоть, утешатель? - спрашивает Рейнбоу, повернув мордочку и старательно пытаясь придать себе беспечный вид.

Бледно-голубой пегас, одетый в промокший комбинезон-подросток, улыбается в ответ:

- Соарин. Соарин Пишчек.

Рейнбоу вновь опускает мордочку к полу:

- Даже она хотела убить меня...

- Уверен, что не хотела.

Рейнбоу Дэш еще секунду глазеет на Соарина, потом кидается ему на грудь и уже ревет по новой, не думая ни о чем...

...Гайка вздрогнула.

- Как видишь, нас заставили, - продолжила Дэш. - Кто-то из нас должен был погибнуть на арене, или убили бы обеих - это правила Арены, к которым прибегали за всю историю лишь пару раз. Твайлайт подстроила так, чтобы мое копыто не дрогнуло. Это я начала понимать значительно позже... А окончательно поняла, можно сказать, уже тут на Дороге, когда стала пересматривать свое прошлое...

- И ты после этого так обошлась с Соарином? - удивилась Гайка.

Дэш поджала губы, очевидно, борясь с желанием нагрубить.

- Я и не надеялась, что ты поймешь, - сказала она наконец, но не сердито, а скорее обреченно.

Мышка, поняв, что тяжелого разговора не избежать, села прямо напротив пони и подняла

голову, чтобы смотреть собеседнице в глаза:

- Чем Соарин заслужил удар по морде, ведь он хотел тебя успокоить?

Дэш снова вздохнула. Какая-то ее часть все еще требовала бурного выхода эмоций. Но умом и сердцем пегаска была уже далека от того, чтобы последовать этому порыву.

- Меня впервые изнасиловали накануне, - ответила пони, - понимаешь? Тот, кого я... да Дискорд, я была без пяти минут влюблена в Алекса, несмотря на то, что он делал со мной. И я ведь только сильно позже узнала, что тот бой был подстроен. И вообще изначально должен был быть «красным», но хозяйка Твайлайт была против - она в свой лудус вкладывала деньги и не хотела зря разбазаривать синтегов. Но на «оранжевый» согласилась, уж не знаю, почему. Наверное, Алекс ей денег дал.

Мышка, в целом, понимала чувства Дэш. Восторженная девочка, вдруг неожиданно оказавшаяся перед самой что ни на есть неприглядной реальностью. Еще неизвестно, как бы Гайка сама отреагировала в такой ситуации.

- Хотя все же, - подумав, сказала Дэш, - я считаю, что Соарин - истеричка. Подумаешь, по морде получил...

- Ты не права, - возразила мышка. - Он к тебе был далеко равнодушен, а ты так грубо его оттолкнула.

- И что? - уперлась пони. - Он мог бы поговорить со мной позже!

- Я не в курсе всех подробностей. Но что-то такое слышала, что Соарин Пишчек перестал приходить в клуб после того, как пытался с тобой поговорить в тот же день.

- Когда? Я его больше не видела.

- Вечером... - сказала мышка и вдруг осеклась.

Судя по изумленному взгляду пегаски, та тоже начала сопоставлять события того дня.

- Вечером я была дома, заперлась у себя в комнате, - медленно проговорила Рейнбоу, после чего ее мордочку исказила ненависть. - Алекс, сука!..

Гайка поразились, с каким цинизмом этот человек сделал все, чтобы у его воспитанницы не было друзей. Чтобы в душе радужной пегаски жили лишь ненависть и страх, без единого просвета надежды на что-то лучшее...

Мышка задумчиво сказала:

- Похоже, Соарин, как воспитанный пони, сперва спросил разрешения у Алекса Вендара. Позвонил или явился лично. И тот ему сказал что-то такое...

- Да уж, представляю, - сквозь зубы процедила Дэш. - А потом Соарин просил в своем письме прощения за то, в чем виновата я... Проклятье, теперь многое встает на свои места!

В сердцах пони стукнула копытом по полу. Так теперь хотелось все исправить! И ведь как просто можно было это сделать тогда!

Хоть возвращайся, право слово.

- Откуда ты могла знать, - попыталась мышка поддержать подругу, но та, опустив уши, только смотрела в пол:

- Я... я даже боюсь догадываться... почему Соарин теперь здесь, - тихо сказала Дэш.

- А я уверена, что ты тут ни при чем, - заявила Гайка с уверенностью, которую совсем не испытывала. - Соарин не тот пони, что впадет в депрессию от любовной тоски.

Рейнбоу, мимолетный гнев которой отступил, вздохнула:

- Чего уж теперь-то, - сказала она, - скоро все закончится.

- Это уж очень как-то мрачно звучит, Дэш, - заметила Гайка.

- Уж как есть, - буркнула пегаска, - не привыкла я ждать хорошего и возвращаться тоже не люблю. Так хоть разочаровываться не приходится.

- А все же, к кому лежало твое сердце по-настоящему? - спросила мышка. - К Алексу, Соарину или Твайлайт?

Дэш невесело рассмеялась, всплеснув копытами:

- Гайка, ну ты и спросишь! Откуда мне знать? Я была такая наивная маленькая поняша, где мне было тогда разобраться со своими чувствами? Про Алекса я тебе рассказывала уже, что этот подонок был плодом моих стыдливых фантазий, наверное, раза четыре, пока по-настоящему не взялся за меня. Соарин... Соарин, наверное, предусмотрен моей поведенческой программой...

Пони замолчала, и мышка решилась переспросить:

- А Твайлайт? Мне показалось, что ты... ну... ты понимаешь.

Она смущенно смолкла, а Дэш склонила голову на бок:

- Не понимаю... А, врубилась. Ты имела в виду ориентацию, да? - Гайка кивнула, а пегаска продолжила. - Тут надо сказать спасибо создателям из «Хасбро». Практически все кобылки-пони в какой-то степени шаловливы, уж не знаю, зачем так сделали. Вот они и не видят ничего такого, чтобы поэкспериментировать, если только в голову не вбили обратного. Так что я тоже вполне допускала, что Твайлайт мне нравится не только как друг, что, к слову, не выбивалось из этого, как его... стереотипа обо мне. Но, как видишь, точно определиться я не успела. В тот день все как раз и начало катиться ко всем Вендигу.

Гайка мысленно вздохнула с облегчением. Похоже, возможность выговориться, выплакаться и подвести своеобразные итоги не подкосили радужную пегаску. Похоже, даже наоборот, теперь придадут ей эмоциональные силы перед главной целью.

- Интересно, - сказала Гайка, - как этот дневник...

- А как тут оказалась Спитфаер Хэнкок? - перебив, вопросом ответила Рейнбоу. - Тут, в основном, записи Твайлайт в формате писем принцессе Селестии... но ты взгляни на последнюю запись.

Гайка встала и, наклонившись над книгой, уставилась на аккуратные строчки.

«Если кто-нибудь найдет эти записи, надеюсь, они помогут ему пройти его собственный Путь. Я оставляю их в конце пути в надежде, что его найдет та, кого я в прежней жизни могла назвать своим другом и не успела сказать столь многого.

Рейнбоу Дэш Вендар, я надеюсь, что ты не держишь на меня зла. Прости, что на Арене вынудила тебя убить, но так было нужно. Уверена, ты в жизни достигла куда большего, чем я, и как ты понимаешь, я вовсе не имею в виду гладиаторский рейтинг.

И помни, на самом деле ты никогда не менялась здесь. Ты просто все более становилась С собой. Ты шла в поисках смысла жизни и, как оказалось, шла к себе Настоящей. По дороге теряя все лишнее, навязанное, не твое. Ты вспоминала Себя.

С наилучшими пожеланиями, Твайлайт Спаркл, бывшая МакАлистер»

На последней странице, прикрепленные проволокой, лежали два золотистых колечка.

- А это что? - спросила Гайка.

- Это... это забавная была история, - Дэш невесело усмехнулась. - Мы как-то... как-то сделали одну вещь, которая нас объединяла. Так нам, по крайней мере, казалось тогда, двум юным дурочкам...

Субботный день, и Рейнбоу Дэш Вендар идет в город со своим хозяином: плановый медосмотр, после которого обычно следует визит в киберцентр или еще на какие-то развлечения.

Дэш сейчас в ажуре: выдающийся боец юниорской лиги, стремительно взлетающий в рейтинге бойцов и перегнавший уже всех новичков.

Алекс не скупится на награды.

Сегодня - особенный день, и после медосмотра у ворот клиники их уже ждет подруга Дэш: Твайлайт Спаркл МакАлистер.

Поняши обнимаются и тыкаются мордочками при приветствии, после чего единорожка поднимает взгляд на человека:

- Добрый день, мистер Вендар.

- Здравствуй, Твайлайт, - отвечает тот.

У обоих - подчеркнуто-нейтральный тон. Первая соблюдает вежливость с хозяином подруги вне зависимости от личного отношения, второму просто все равно.

Они идут в город, и пони, немного забежав вперед, о чем-то весело болтают. Алекс идет следом, думая о своем, пока его не вырывает из раздумий голос Рейнбоу:

- Алекс! Алекс!

Взгляд серо-стальных глаз опускается на пегаску. Та стоит рядом с подругой у витрины салона татуировок, пирсинга, имплантов и прочих инвазивных изменений тела.

- Что случилось? - спрашивает человек, подходя.

- Можно мне сделать пирсинг? - выпаливает Дэш.

Она моментально краснеет, а от переполнивших чувств даже расправляет крылья.

- Зачем? - Алекс остается спокойным.

- Мы это... - смущается Дэш. - Хотим с Твайлайт сделать одинаковый. Как у лучших подруг. Можно?

- Какой пирсинг?

- М... - мнется пегаска, затем оглядывается на ободряюще улыбающуюся Твайлайт, которая уже может похвастаться таким украшением. - Пару колечек в ухо.

Алекс думает несколько секунд, прежде чем сказать:

- Хорошо, разрешаю. При одном условии...

- Класс!

- ...Никакой анестезии.

Пони вздрагивают и переглядываются. Рейнбоу снова смотрит хозяину в глаза и видит, как те приобрели знакомый холодный блеск.

«Значит, испытание? - думает поняша. - Отлично!»

- Я согласна! - громко говорит она.

- Нет! - возражает Твайлайт Спаркл. - Вовсе не нужно!..

- Нужно, - отрезает Дэш и решительно заходит в салон.

Подумаешь, гвоздем проткнут ухо пару раз! Вон, на арене несколько раз чуть брюхо не распорили, а уж бедным ушам сколько раз доставалось уже!..

- ...Гребаный садист! - вырвал из воспоминаний возглас Гайки.

- Да пустое, - пегаска с вымученной улыбкой дотронулась до двух блестящих колечек в ухе. - В

сущности, не так уж это и больно было. В сравнении с исполосованным крупом и постоянными изнасилованиями вообще ни о чем.

Гайка вздохнула и поджала губы.

Она сама никогда не носила даже серьги, по крайней мере, настоящие – клипсы не в счет. Да и поводов особых не было что-то такое надевать: в общине было незачем, на службе мистера М тем более.

- Будешь слушать дальше? – поинтересовалась Дэш, и мышка только кивнула.

- ...Без анестезии? – переспрашивает мастер и поворачивается к присутствующему Алексу. – Вы спятели, что ли?

- Это условие, – спокойно отзывается тот, – и ее выбор.

Мастер еще какое-то время спорит, но вскоре машет рукой:

- Ладно, мазохисты озабоченные, хрен с вами... Что там у вас? Два золотых колечка в ухо? Которое?

- Левое, – говорит Рейнбоу Дэш.

- Клади голову сюда, левым ухом вверх, – велит мастер и обращается к хозяину поняши. – А Вы держите ее.

- Нет. Она не будет дергаться.

- Хорошо. Но если порвет ухо – никаких претензий к салону.

- Договорились. Где подписать?

Сердечко Дэш колотится. Мастер ощупывает подвижное понячье ухо. Это щекотно: уши хасбровских пони – чувствительная зона, к тому же эрогенная. Покусывание за ушко – интимный и чувственный жест, и при одной мысли о том, что в нежную плоть сейчас вопьется безжалостное железо...

- Не двигайся, Дэши, – слышится голос Алекса.

- Приготовься, - говорит мастер, и пегаска чувствует прикосновение острого металла.

Ухо рефлекторно дергается, но сильные пальцы удерживают его на месте.

- Раз, - считает мастер, - два, три!

Боль ударяет ожидаемо, но пегаска все равно стискивает зубы: уж слишком чувствительное место выбрано. Видно, как мастер откладывает щипчики с окровавленными концами обратно в стерилизатор, слышен звон чего-то мелкого и металлического.

Ухо будто горит огнем, и мимолетное касание холодного металла совсем не помогает. Из глаз непроизвольно начинают течь слезы, но Дэш стискивает зубы и не издает ни звука.

Потом процедура повторяется.

Когда второе кольцо становится на место, боль в ухе словно смывается влажной прохладой, оставляя только легкую, почти неощутимую тяжесть украшения.

Мастер откладывает измазанный красным тампон, которым наносил регенеративный гель.

- Вот и все, - говорит он. - Как новенькая.

Рейнбоу, у которой немного кружится голова от недавней боли, первым делом подбегает к большому зеркалу.

В левом ухе теперь поблескивают два золотистых колечка, прямо как у подруги.

Она с гордостью оглядывается на Алекса, пока тот расплачивается с мастером....

...Рейнбоу выходит из салона к нервно переступающей на месте Твайлайт Спаркл МакАлистер. Единорожка тут же кидается к Дэш:

- Как ты?

Голубая пегаска чуть поворачивает голову и демонстрирует два золотистых колечка в левом ухе. Шерстка там еще влажная: следы регенеративного геля.

Твайлайт, у которой левое ухо без кончика украшено точно так же, тыкается мордочкой:

- Больно было? - тихо спрашивает она.

Пегаска натянуто улыбается:

- Вовсе нет...

Она ответно тыкается носом в ухо подруги, то, которое тоже с пирсингом, и нежно фыркает. Твайлайт хихикает, отдергивая голову.

- Дэш!

Раздается двухголосый понячий смех. Единорожка и пегаска, прижавшись боками, идут по улице, провожаемые взглядом двух холодных глаз...

- Ты возьмешь дневник с собой? - спросила Гайка, когда пегаска закончила рассказывать.

Рейнбоу не ответила. Судя по всему, на душе у нее кошки скребли, но было видно, что пони стала сильнее этого.

Хотя даже думать не хотелось, насколько глубоко пришлось ей прятать эту боль, и какие усилия приложить, чтобы решиться на эту исповедь.

Гайке даже было немного стыдно, что ей самой было не в чем признаваться. То, что собственные грехи она себе так и не простила, Дэш и без того знала. Ну или, по меньшей мере, догадывалась.

- Помоги-ка мне, - сказала вдруг Дэш и наклонила голову почти до самого пола.

- Чем? - не сразу поняла мышка.

- Мой пирсинг. Помоги его снять.

- Что?.. Почему?

- Помнишь, что было с подковами, с браслетами? Пусть пирсинг тоже останется в прошлом. Твайлайт его сняла, а так как я его сделала только в знак солидарности... Сечешь?

- Хорошо, - мышка поднялась, - погоди, я только за инструментами схожу.

Вскоре к прикрепленным к книге колечкам прибавилось еще два. Точно таких же, только

поновее с вида. Остальные кольца пирсинга, появившиеся в ушах позднее, Дэш просто оставила на столе.

Она еще посидела над раскрытой книгой, глядя на последнюю страницу и, судя по отсутствующему взгляду, погрузившись в воспоминания.

Гайка уже хотела было позвать подругу, но та вздохнула и закрыла дневник.

В огромных глазах пони блестела влага, но мышке подумалось, что это не слезы обиды или горя. Сожаления, раскаяния - без сомнений.

А может быть, облегчения?

- Прощай, мой сумеречный ангел... - тихо произнесла Рейнбоу. - Будь счастлива, куда бы Путь ни привел тебя.

Гайка молча подошла и дотронулась до пегаски. Они так постояли еще какое-то время, и мышка ничего не говорила.

Луч дневного света, падающий в окно, успел заметно сдвинуться по полу, когда Рейнбоу Дэш, наконец, встала и подала голос:

- Идем, - сказала она, и в голосе ее звучала решимость. - Теперь точно все. Мою душу раздели донага и явили мне самой во всей неприглядной красе. И теперь я готова сделать последний шаг, каким бы он ни был... Готова предстать перед судилищем... чтобы плюнуть в рожу тех, кто вздумал, что может ткнуть меня мордой в мое же прошлое и попрекнуть меня им!

Гайка кивнула. Она знала, о чем говорит Дэш, так как почувствовала нечто подобное еще при разговоре с Ловчим.

И хотя мышка и не чувствовала такой уверенности, и была настроена гораздо менее воинственно, чем пегаска, рядом с ней рискнуть было не так страшно...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554375>